

М.В.Михайлова

**Символика пьесы А.Н. Островского «Лес» как
смыслообразующий элемент
в ранней прозе Николая Никандрова («Лес», 1916)**

Казалось бы, странно выискивать соответствия и традиции А.Н.Островского в творчестве писателя, никогда, судя по оставшимся документам и свидетельствам, имя драматурга не упоминавшего, не оставившего после себя ни одного драматического произведения (правда, имеются сведения, что среди первых его произведений были и пьесы, однако они не сохранились). К тому же писатель, о котором пойдет речь, Николай Никандрович Никандров (наст. фамилия Шевцов; 1878-1964), яркий, интересный, но почти забытый художник¹, чей творческий путь начался в 1900-е годы и продолжался вплоть до второй половины 30-х годов, который, по убеждению Куприна, являлся одним из самых заметных среди молодых прозаиков России, чьи первые шаги в литературе высоко оценил М. Горький, вообще позиционировал себя как «неотесанного», «лохматого», малообразованного человека, явившегося в литературу прямо с улицы. Уже отмечалось мною, что созданный им при вступлении в литературу «имидж» (выбранный, надо заметить, после долгих проб и раздумий) как нельзя более соответствовал потребности литературы в «чумазах», т.е. тех, кто вышел из «низов», а – следовательно – знает о подлинной жизни не понаслышке и не из книг². Поэтому-то всю жизнь Никандров и открещивался от подозрений в начитанности, в знании литературных произведений, уверяя, что «книг ... никогда не читал»³. Особенно он любил напоминать, как безмерно тяготился, когда практически открывший и всемерно поддерживавший его А.И.Куприн с упоением начинал цитировать наизусть отрывки из Толстого, Чехова, Гамсуна, постоянно спрашивая при этом, не помнит ли он какую-нибудь строчку из вышеназванных авторов. О том, что это было своеобразной уловкой, свидетельствуют строки его писем, в которых он демонстрирует превосходную ориентированность в современной ему литературе, упоминает имена С.Пшибышевского, К.Бальмонта, Л.Андреева, Б.Зайцева, П.Альтенберга и др.⁴. Знакомство же его с классикой, по-видимому, со-

стоялось еще во время учебы в Севастопольском реальном училище, а потом и в высших учебных заведениях Москвы и Петербурга (Императорское училище путей сообщения и Лесной институт). Трудно поверить в его «неосведомленность» относительно выдающихся произведений литературы, поскольку немногих из обращавшихся к нему Л.Н.Толстой приглашал для личной беседы. А со студентом Шевцовым такая беседа состоялась и именно потому, что его письмо поразило знаменитого писателя взвешенностью и оригинальностью суждений, собственным взглядом на роль искусства в жизни людей. Толстой тогда посоветовал юноше оставить занятия и начать изучать жизнь, что тот и сделал, избрав профессию народного учителя (он преподавал в школах и училищах Саратовской и Пермской губерний, а в Гомеле даже какое-то время являлся директором гимназии!), которая, несомненно, предполагала не просто знакомство, а хорошее знание многих гуманитарных областей. Кстати, эта профессия помогала ему, нередко жившему по подложным паспортам («по совместительству» Никандров являлся еще и профессиональным революционером, членом партии эсеров) скрываться, часто меняя места работы, от полиции.

Все вышесказанное призвано подтвердить мысль, что версия о необразованности Никандрова скорее «миф», который очень удачно корреспондировал с литературной атмосферой времени. Недаром, как только он попробовал чуть изменить своей «грубой» манере письма, как со стороны критиков сразу же послышался окрик: «Нам, нашей жизни, нашей душе ... нужны «лохматые» и «свои собственные» писатели. А не гладко причесанные, «как все», корректные бухгалтеры в модных и пошлых котелках, каких и без того так много в литературе нашей»⁵. Любопытнее всего, что приведенные слова были сказаны по поводу его рассказа «Искусство», который автор приведенной цитаты расценил как поверхностно «поучительный» и «тенденциозный», а другой критик – воспринял как «наивный и сентиментальный»⁶. Однако именно в этом рассказе мы можем найти элементы использования мотивной структуры пьесы А.Н.Островского «Лес», вернее, то понимание искусства, которое определяет звучание этой комедии.